

Пелам Гренвилл
ВУДХАУС

**Даровые
деньги**

Пелам Гренвилл Вудхаус

Даровые деньги

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4441862

Вудхаус, Пелам Гренвилл Золотце ты наше. Джим с Пиккадилли.

Даровые деньги: Астрель; Москва; 2013

ISBN 9780-5-271-43304-7

Оригинал: Pelham Grenville Wodehouse, "The Little Nugget. Piccadilly Jim.

Money for Nothing"

Перевод:

Наталья Леонидовна Трауберг

Аннотация

Лихие ирландцы Моллои, с присущим им обаянием и темпераментом, планируют мгновенно разбогатеть, сыграв на легендарной жадности и мнительности богача Лестера Кармоди, оказавшегося в когтях их клана...

Содержание

Глава I,	4
1	4
2	10
3	15
4	18
Глава II	20
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Пелам Гренвилл Вудхаус

Даровые деньги

Иэнцу Хэю Бейтсу¹

Глава I, Представляющая читателю влюбленного молодого человека

1

Деревушка Радж дремала в летних лучах. На узкой, хотя и главной улице жизнь замерла, если не считать кошки, трущейся о желоб, мух, занимавшихся гимнастикой на раскаленных подоконниках, и глубоких мыслителей у кабачка, ожидавших, когда он откроется. Жизнь вообще не кипит здесь, но чужеземцу особенно трудно принять эту местность за Пиккадилли, Бродвей или Рю де Риволи в два часа пополудни, жарким летом.

Саму деревушку вы найдете, внимательно изучив ту живописную часть Англии, где серый камень Глостершира сменяется серым кирпичом, которым славен Вустершир. Тихо,

почти бессознательно, притулилась она у речки Скерм, и никого не трогает, никуда не лезет, сонно довольствуясь норманнской церковью, одиннадцатью кабачками, населением (если верить справочнику) в 3541 человек и единственным знаком прогресса, аптекой Ч. Байуотера.

Ч. Байуотер трудолюбив. Не ведая радостей сиесты, он бдит, когда другие спят. Местные жители, как правило, расходятся днем по спальням, прикрывают лицо платком и выключаются. Так поступают они, но не Байуотер. В те мгновения, с которых начинается наша повесть, он работал, не покладая рук и только что продал полковнику Уиверну чудодейственное средство от комариных укусов.

Купив эликсир, полковник собирался уйти, но Ч. Байуотер любил приправить сделку беседой. К тому же Мередит Уиверн еще не заходил к нему с тех пор, как разразился знаменитый скандал, другими словами – две недели, и главный сплетник селенья страдал без сведений.

Главное он, конечно, знал. Радж-Холл, обиталище рода Кармоди, окружал парк, а в этом парке росло несколько дубов, посаженных при Елизавете. То один из них, то другой становился настолько трухлявым, что угрожал жизни гуляющих. Тогда вызывали экспертов, и те, применив динамит, обращали его в невинный пенёк. Судя по слухам, две недели назад именно эта процедура едва не погубила полковника и мистера Кармоди. Они подошли к дубу как раз тогда, когда эксперт поджег шнур.

Это знали все и живо обсуждали в одиннадцати кабачках. Но Ч. Байуотер с его нюхом или тем шестым чувством, которое подсказывало ему, что творится у мелкой и крупной аристократии, чувствовал, что есть еще что-то, и надеялся на полковника.

– Жара... – начал он.

– Э... – согласился покупатель.

– А барометр поднимается.

– Э...

– Может, станет полегче.

– Э...

Ч. Байуотер открыл карты.

– У вас хороший вид, – сказал он. – После таких неприятностей...

Полковник, человек пылкий, как раз собирался узнать, почему, черт подери, надо заворачивать этот эликсир чуть не до вечера. Но тут, обретя ярко-малиновый цвет и грозно нахмутив брови, он яростно воззрился на аптекаря.

– Неприятности! – вскричал он. – Ну, знаете!

– Я имел в виду...

– Ха-ха! Неприятности!

– Да я просто...

– Если вы хотите сказать, – загрохотал полковник, – что я чудом спасся от смерти, я бы вам посоветовал лучше выбирать слова. Этот жирный мерзавец пытался меня убить. Неприятности! Нет, это бесподобно!

Мало что в мире печальней, чем ссора близких друзей, которые долго разделяли радости и скорби, что там – думали одно и то же о вере, вине, сигарах, политике и современной молодежи. Услышав, что полковник именует жирным мерзавцем Лестера Кармоди, надо бы опечалиться; но нет, аптекарь испытал греховный восторг. Нюх не подвел, скандал изрядный. И Ч. Байуотер развесил уши, ожидая разъяснений.

Он их дождался, и в превеликом количестве. Полковника он понимал, тут не захочешь – обидишься. Когда мы гуляем с другом в парке, слышим вскрик и, оглянувшись, понимаем, что сейчас бабахнет, легко ли, если этот друг схватит нас сзади и сунет между собой и шнуром, чтобы защититься от взрыва?

– Так-так-так... – сказал Байуотер, поднимая уши еще на один дюйм.

Хорошенько подумав, полковник не выбрал бы его в наперсники, но какие тут думы! Бутылка не выбирает пробочник, ей бы только не лопнуть; а несчастный Уиверн был именно такой бутылкой. Дочь уехала, две недели он терпел и наконец излил душу.

Изливал он ее с блеском. Аптекарь просто видел все, от окрика до тех мгновений, когда, подбежав к упавшему дереву, люди заметили, что полковник встает с физиономии мистера Кармоди. Честно говоря, аптекарь считал, что хозяин парка опроверг невысокое мнение об уме английской знати. Однако обидели все-таки полковника, и он ему сочувство-

вал. Жертва коварства имеет право на брань, а можно ли называть бывших друзей трусами и гадами, это уж дело личной совести.

– Подаю в суд, – заключил свой рассказ Уиверн, гневно глядя на рекламу пилюлей.

– Так-так-так, – сказал Байуотер.

– Этот жирный мерзавец любит только деньги. Я из него выжму последний пенни. До палаты лордов дойду!

– Так-так-так.

– Он мог меня убить! Я чудом спасся. Пять тысяч фунтов, не меньше. Если в Англии осталось правосудие, его вообще посадят.

Ч. Байуотер издавал неясные звуки. И истец, и ответчик покупали у него лекарства. Не желая оттолкнуть ни того ни другого, он надеялся, что полковник не спросит его мнения.

Тот и не спросил. Излив душу минут за шесть, он помолчал, подумал, покашлял и сменил тему.

– Где этот эликсир? – спросил он. – О Господи! Еще не готов? Почему вы три часа завязываете бантик?

– Сейчас-сейчас, – заторопился аптекарь. – Ну вот. Я сделал петельку, удобней будет нести.

– А он помогает?

– Говорят, да. Спасибо, полковник. До свидания. Всего вам хорошего!

Еще кипя обидой, полковник распахнул дверь, и тут же тихую улицу огласили дикие звуки. То был яростный

лай, сливавшийся с сердитым криком. Ч. Байуотер отступил вглубь, к полкам, откуда извлек в поименованном порядке корпию, арнику, бутылку признанного средства от царапин, ожогов, уколов и укусов. Он знал, что надо готовить все за-
годя.

Когда полковник изливал душу в чуткое ухо Байуотера, на улице появился молодой человек в костюме для гольфа и галстукe, который носят бывшие питомцы Регби. Это был Джон Кэррол, племянник мистера Кармоди. Он шел с собакой Эмили купить табак у многостороннего аптекаря.

Вывески обманчивы. Вы читаете: «Аптека», но это все скромность. На самом деле Ч. Байуотер поставляет буквально все, от сервизов до мышеловок. Что-то вроде табака можно купить и в других местах, но субстанция эта вряд ли удовлетворит разборчивого курильщика. Истинная услада для неба — только здесь.

Джон, крупный молодой человек с приятным, но мрачным лицом, медленно шел по улице. От безответной любви и других забот душа его совсем расклеилась, но послеполюденная тишина омывала ее бальзамом, погружая в транс, из которого, однако, вывел дикий шум, напугавший и Байуотера.

Причину его объяснить нетрудно. Когда Джон, собираясь купить табак, брал с собою Эмили, она останавливалась у входа и жадно нюхала, пока кто-нибудь не откроет дверь. Ей очень нравилось снадобье от кашля, а долгий опыт подсказывал, что если жалобно смотреть на аптекаря янтарными глазами, леденца два или три ей перепадет. Вот и сегодня,

подбежав к двери, она только-только принялась, как вдруг получила весомый удар по носу, завизжала, отпрыгнула, а из аптеки выскочил полковник со своей бутылкой.

– Минуточку, минуточку! – язвительно сказала собачка. – Нельзя ли помедленней, любезный?

Полковник, придавленный бременем скорбей, заметил, что к ним прибавилось лохматое чудище, и рывкнул:

– Брысь!

Эмили зашла от лая.

– Ах-ах-ах! – говорила она, сопровождая междометия визгом. – Это еще кто? Бьет, видите ли, по носу, словно король какой-нибудь...

– Пошел отсюда! – заорал полковник.

– Если хотите, «пошла», – заметила Эмили. – Я – дама, черт побери!

Словарь у нее был богатый и современный.

– Из-за таких субъектов, – продолжала она, – все наши беды. Знаю я вас, акул! Одно слово, тираны. Разрешите сказать...

Тут, как это ни печально, полковник решил ее ударить. Она увернулась, но, убедившись в тщете слов, изменила тактику. Намереваясь вцепиться противнику в ногу, она услышала истерический крик:

– Э-э-ми-ли-и!!!

Голос у Джона был зычный, легких он не жалел. Когда валлийский терьер вот-вот сожрет отца любимой девушки,

миндальничать нельзя. Услышав трубный вопль, полковник подпрыгнул и выронил свою бутылку. Та со звоном разбилась, а Эмили, вполне способная внести лепту в неожиданный, хотя и безопасный тарарам, все же поджала хвост и убежала. Негромкие, но приятные крики у кабачка «Герб Кармоди» свидетельствовали о том, что она миновала это популярное заведение.

Однако Джон не успокоился. Глядя на Уиверна, вы не подумали бы, что у него красивая дочь, но так уж случилось, и Джон робел, как робеет едва ли не всякий при отце красивой дочери.

– Простите, – выговорил он. – Надеюсь, вы не ранены?

Потерпевший не ответил, но метнул в него тот взгляд, от которого сержанты никли, как увядшие розы. Потом оба они вошли в аптеку.

– Еще одну, – лаконично сказал полковник.

– Вы уж простите! – сказал Джон.

– Ту я уронил. На меня бросился дикий пес.

– Ради Бога, про...

– Нет, как разрешают водить их по улицам?

– Я вас у-мо-ля...

– И опасно, – закончил полковник, – и противно.

– Так-так, – сказал аптекарь.

Разговор себя исчерпал. Байуотер понял, что не время любовно вывязывать бантики, и мгновенно упаковал бутылку. Полковник схватил ее и убежал, а Джон, придерживавший для

него дверь и не услышавший «Спасибо», вернулся к прилавку, за табаком.

– Так-так, – сказал Байуотер. – Сию минутку, мистер Джон. Две унции?

С уходом полковника стало полегче. Обретя былую приветливость, аптекарь отсыпал табаку и, разговора ради задерживая сдачу, сказал:

– А полковник-то расстроен.

– Сдачу не дадите? – спросил Джон.

– Очень прискорбный случай.

– Как там сдача?

– Я сразу заметил, что он сам не свой. Что говорить, шок!

Только он вошел, я подумал...

Джон не возражал, но поинтересовался сдачей.

– По дочери скучает, – определил аптекарь с лукавой улыбкой. – После такого шока нужен близкий человек. Это и коту ясно.

Джон ушел бы, но как расстанешься с тем, кто говорит о Патрисии? И он придвинулся к прилавку.

– Скоро она будет дома, – сказал Байуотер. – Насколько мне известно, завтра.

– Завтра?!

– Да, мистер Джон. Вчера вернулась из Франции. Канал пересекла без эксцессов. Сейчас находится в Лондоне, отель «Линкольн», Керзон-стрит. Здорова и весела. Завтра приедет трехчасовым поездом.

Джон не удивлялся такой точности. Он знал, что сестра аптекаря служит на почте.

– Завтра... – повторил он.

– Да, сэр. Именно – завтра.

– А сдачу можно? – спросил Джон, торопясь уйти, чтобы обдумать все на воздухе.

– Конечно, теперь ей... – начал аптекарь.

– Сда-ачу!

И Ч. Байуотер, взглянув на него, отсчитал монетки.

Чтобы дойти от аптеки до усадьбы, вы проходите Главную улицу, резко сворачиваете налево, то есть на Ривер-лейн, потом переходите каменный мостик, под которым речка Скерм тихо течет к реке Северн, минуете небольшой, но приятный дом полковника, поднимаетесь по склону, пересекаете луг-другой – и оказываетесь в парке, где виднеются сквозь деревья высокие трубы и красные стены древнего дома Кармоди.

Когда тут не взрывают дубы под носом у военных, место это можно назвать царством покоя. Джон прибавил бы «и очарованья», ибо за четырнадцать лет, прошедших с ее приезда, Пэт пропитала местность своими свойствами. Каждый дюйм был так или иначе с ней связан. На этих пнях она сидела, помахивая ножками в коричневых чулках; под этими деревьями укрывалась от грозы; на эти ворота лазала, на этих лужайках бегала, в эти колючие кусты гоняла его в поисках гнезд, словом – куда ни взгляни, поневоле о ней вспомнишь. Самый воздух сверкал и звенел ее смехом, и даже мысли о том, что смеялась она над ним, Джоном, не могли ни на каплю ухудшить это сказочное царство.

Под деревьями, на полдороге, к нему присоединилась обиженная Эмили, всем своим видом говоря: «Ну где ты запропастился?» Они пошли вместе и обогнули дом. Джон несколько лет вел хозяйство вместо дяди, а жил над конюш-

ней, в двух комнатках, куда и направился, оставив собачку у шофера по фамилии Болт, который мыл машину.

Там, у себя, он сел в кресло, набил трубку особым табаком, положил ноги на стол и стал смотреть на фотографию. Видел он прелестное личико, которое не смог испортить даже современный фотограф, склонный заволакивать черты сероватым туманом. Чуть раскосые глаза глядели нежно и лукаво, легкая улыбка таила какой-то занятный секрет, нос привлекал тем задором, который дарует чуть вздернутый кончик. Словом, в лице был вызов, был и призыв.

Эту, последнюю, фотографию Пэт подарила три месяца назад, перед отъездом в Ле Тукэ². А теперь она вот-вот вернется...

Джон Кэррол, человек солидный, не менял привязанностей. Он всегда был влюблен в Пэт и не ждал перемены, хотя знал, что надеяться не на что. Когда ей было десять, а ему пятнадцать, она обожала его, как обожают больших мальчиков, которые умеют двигать ушами и не боятся коровы. Однако с тех пор отношение ее изменилось. Она обращалась с ним то ли как нянька с несколько отсталым ребенком, то ли как хозяйка – с приятной, но неуклюжей собакой. Тем не менее он ее любил, а она – возвращалась.

Джон выпрямился в кресле. Думал он медленно и только сейчас представил, что при этой злосчастной распре они

² Курортное местечко на севере Франции. Вудхаус жил в Ле Тукэ с 1934 по 1940 г.

оказались в разных лагерях. Что, если она не захочет с ним знаться?

Содрогнувшись от страха, он решил немедленно что-то сделать – и, в редком припадке ясновидения, понял, что именно. Надо поехать в Лондон, все ей рассказать и отдаться на ее милость. Если она поверит, что он числит дядю среди самых страшных злодеев нынешнего века, может, и обойдется без ссоры.

Когда разум проснулся, удержу ему нет. Джону пришла в голову потрясающая мысль: а почему бы не сделать предложение?

Он затрясся мелкой дрожью. Теперь он ясно видел, что ошибался все эти годы. Да, он любит Пэт, но ведь она об этом не знает! А теперь, в такой ситуации слово может что-то изменить.

Не потому ли, кстати сказать, она вечно над ним смеялась? Как-никак смешно видеть человека, который явно в тебя влюблен и молчит годами.

Он решительно взглянул на часы, было три без малого. Если выехать сейчас же в своей двухместной машине, в Лондон приедешь к семи, самое время для обеда. И он помчался вниз, в конюшни, где располагался гараж.

– Уберите эту машину, – сказал он Болту, искусно избегая совершенно мокрой Эмили. – Мне нужна двухместная.

– Двухместная, сэр?

– Да. Я еду в Лондон.

– Ее нету, мистер Джон, – сообщил шофер с тем мрачным удовольствием, с каким сообщал обычно, что аккумуляторы сели.

– Как так нету?

– Мистер Хьюго на ней уехал. К мистеру Кармоди, в этот самый курс. Говорит, у него дела, а вы не возражаете.

Двор завертелся. Не в первый раз бранил Джон легкомысленного кузена. «Не возражаю»! Только Хьюго и скажет та-

кую чушь.

Глава II

Держи курс!

Что-то есть в мерзопакостных словах «Курс на здоровье!», чем-то они знакомы, будто мы их уже слышали. И тут вспоминаешь, что время от времени они появляются в «письмах читателей». Скажем, так:

*Тяжела современная жизнь.
Издателю «Таймс», Лондон.
Mens sana in corpore sana³.*

Глубокоуважаемый N!

Неоднократно встречая в Вашей газете статьи о тяготах нынешней жизни, я задумался о том, знают ли Ваши читатели, что в графстве Вустершир есть заведение, для того и созданное, чтобы облегчить их. Санаторий «Курс на здоровье!» (располож. в прежнем Грэви-корт) основан доктором Александром Твистом, известным американским медиком, знатоком физической культуры, который и руководит программой, позволяющей тем, кому не по силам вышеупомянутые тяготы, восстановить свое здоровье в идеальных условиях. Поднимаясь на заре и ведя спартанскую жизнь,

³ В здоровом теле – здоровый дух (лат.).

отдыхающие (или пациенты) обновляют свои ткани. Доктор Твист, в прямом смысле этих слов, создает нового человека.

*С глубоким уважением,
NN.*

Или так:

*Не много ли мы едим?
Издателю «Дэйли мэйл».*

Умеренность, умеренность и еще раз умеренность!

Достопочтенный М!

В наши дни немолодые люди, набравшие лишний вес, нуждаются не столько в сиделке, сколько в наставнике.

Санаторий «Курс на здоровье!» (бывш. Грэви-корт, Вустершир) буквально творит чудеса под началом д-ра Александра Твиста, широко известного в Америке. Метод его сводится к диете и регулярным упражнениям.

Поистине, д-р Твист берет ветхого человека и создает нового!

Искренне Ваш, MM.

При всех различиях – скажем, в подписи – послания эти принадлежат даровитому перу самого д-ра Твиста. Среди тех, кто слишком быстро отзывается на призыв гонга, но не

забывает и о здоровье, они вызвали немалый, хотя и рассеянный интерес. Как бы то ни было, в этот день прославленный медик мог увидеть из окна одиннадцать человек, скачущих через скакалочку под надзором способного и преданного помощника, отставного сержанта Фланнери.

Опознать его мог бы не только Шерлок Холмс, но и, в хороший день, сам верный Уотсон. Только сержант не был, скажем так, выпуклым. Все прочие принадлежали к той разновидности, которая внушала доверие Юлию Цезарю⁴. Самым толстым, самым мокрым и самым печальным из них был Лестер Кармоди, владелец Радж-Холла.

Печаль его объяснялась тем, что только у него из всех мучеников страдала, кроме тела, и душа, ибо он, по меньшей мере в сотый раз, думал о том, сколько стоит лечение.

«Тридцать гиней в неделю, – считал он, сгибаясь и разгибаясь. – Четыре фунта десять шиллингов в день... Три шиллинга девять пенсов в час... Три фартинга в минуту!...» Цифры эти поворачивали меч в его сердце. Лестер Кармоди любил деньги больше всего на свете, кроме хорошего ужина.

Д-р Твист отвернулся от окна. Горничная внесла серебряный поднос, а на нем визитную карточку.

– Пусть войдет, – промолвил медик, изучив написанное, и тут же в кабинет вошел легким шагом молодой человек в светлом костюме.

– Доктор Твист?

⁴ У. Шекспир. Юлий Цезарь. Акт 1, сцена 2. «А Кассий тощ...»

– К вашим услугам.

Гость несколько удивился. Вероятно, он гадал, почему глава «Курса», способный создать нового человека, не применит свои возможности к себе. Дело в том, что прославленный врач был исключительно хлипок. Не украшали его и редкостное сходство с обезьяной, и хитрый, пронирыливый взгляд, и нафабранные усики.

Однако, в конце концов, посетителя это не касалось. Хочешь нафабрить усы – что ж, Бог тебе судья.

– Разрешите представиться, – сказал упомянутый посетитель, – Хьюго...

– Знаю. Мне передали вашу карточку.

– Можно мне поговорить с дядей?

– Конечно, только не сейчас. – Медик показал на окно. – Подождите минутку, он занят.

Хьюго встал, посмотрел и еще больше удивился.

– О Господи! – воскликнул он, глядя на страдальцев. Отложив скакалки, они проделывали неприятные с виду упражнения, а именно – сгибались и разгибались, держа руки над головой и поводя, скажем так, талией. Зрелище это ошеломило бы любого племянника.

– Скажите, а еще долго? – несмело осведомился Хьюго. Д-р Твист взглянул на часы.

– Упражнения скоро кончатся, – ответил он. – Потом – холодный душ, растирание и перерыв до ленча.

– Холодный душ?

– Да.

– То есть дядя Лестер принимает холодный душ?

– Несомненно.

– О Господи!

Хьюго с уважением посмотрел на медика. Тот, кто заставил дядю извиваться, да еще загнал под холодные струи, достоин многого.

– Наверное, – предположил он, – после этого они наедаются?

– Им дают отбивную без сала, вареные овощи и сухарики.

– Больше ничего?

– Ничего.

– А что они пьют?

– Воду.

– И капельку вина?

– Нет.

– То есть нет?

– Вот именно.

– Ни-ка-ко-го вина?

– Естественно. Если б ваш дядя меньше пил, он бы здесь не был.

– А вот скажите, – попросил Хьюго, – название вы сами выдумали?

– Конечно. А что?

– Да так, не знаю. Подумал вдруг, спрошу-ка...

– У вас сигареты есть? – осведомился д-р Твист.

– Пожалуйста! – Хьюго вынул портсигар. – Здесь – турецкие, здесь – виргинские.

– Я не курю. Ни в коем случае не давайте их дяде. Ему противопоказан табак.

– Противопоказан?.. То есть он вьется, гнется, ест отбивные без сала, пьет воду – и вдобавок не курит?

– Именно.

– Ну, знаете! – сказал Хьюго. – Нет. Это не жизнь для белого человека.

Потрясенный сообщениями, он нервно заметался по комнате. Дядю он не очень любил, тот держал его в черном теле и практически не выпускал из Раджа, тут уж не до любви. И все же он не считал, что тому положены такие муки.

Да, сложный человек этот дядя. При его скаредности другой бы сидел на молоке и протертых опилках, как американский миллионер, но судьба со свойственной ей иронией одарила его прожорливостью.

– Ну, они кончили, – сказал доктор, выглянув в окно. – Можете поговорить с дядей. Надеюсь, его не ждут плохие новости?

– О нет! Скорей уж меня, – признался общительный Хьюго. – Хочу попросить денег.

– Вот как? – спросил специалист по физической культуре, живо интересовавшийся деньгами.

– Да, – отвечал Хьюго. – Пятьсот фунтов.

Произнес он это со скорбью, ибо, стоя у окна, хорошо ви-

дел дядю, а тот выглядел так, что мог пришибить на корню любые надежды. Конечно, если он треснет, Хьюго получит наследство; в противном же случае уповать не на что.

– Вообще-то, – уточнил он, – какие просьбы? Деньги мои. Отец оставил мне несколько тысяч, но почему-то назначил дядю опекуном. Ничего не могу взять без его согласия. Приятель предложил мне стать совладельцем ночного клуба. Внести надо полцены, как раз пятьсот фунтов.

– Вот как...

– Хотел бы я знать, – продолжал Хьюго, – даст ли их дядя Лестер? Да, хотел бы знать.

– По моим наблюдениям, вряд ли. Расставаться с деньгами он не любит.

– Да уж, – мрачно заметил Хьюго.

– Что ж, желаю удачи. Только не подкупайте его сигаретами!

– Что, простите?

– Не подкупайте сигаретами. Они тут душу отдадут за окурок.

Хьюго ожил. И верно, какая мысль!

– Кроме того, не держите его слишком долго. Встать под душ нужно вскоре после гимнастики.

– А вы не могли бы, – спросил Хьюго, – сказать ему, что я упросил вас избавить его от душа?

– Нет.

– Жаль. Это бы очень помогло.

– Ничего не могу поделать. Душ необходим. Гимнастика способствует обильному потовыделению.

– Ясно-ясно. Ну что ж, положусь на такт и участливость. Трудно говорить о деле после такого... э... изнурительного утра.

Он поправил манжеты, одернул жилет и решительно вышел из комнаты. Ему предстояла беседа с человеком, который, в придачу к скаредности, считал, что молодым людям деньги только вредят. Хьюго был оптимистом, весело пел в ванне, но сейчас приуныл. С другой стороны, у всех Кармоди – бульдожья хватка. Что ж, попробуем...

Если судить теоретически, то, укрепив мускулы, открыв наглухо запертые поры, да еще расшевелив приутихшую печень, человек становится добрее. На самом деле это бывает не всегда. Когда мистер Кармоди обернулся на зов племянника, можно было сразу заметить, что десять дней диеты и гимнастики не умягчили его душу. Не обрадовало и открытие, что тот, кого он представлял за 20 миль отсюда, стоит рядом.

– Какой тебя черт принес? – начал он родственную беседу. Лиловое лицо скрылось за носовым платком и появилось снова, выражая злобу. – Ты на моей машине?

И то сказать, от усадьбы до «Курса» – двадцать миль, и от «Курса» до усадьбы – не меньше. Машина весьма прожорлива: десять миль – целый галлон. За этот галлон, подумать

страшно, дерут дикие деньги – шиллинг и шестнадцать с половиной пенсов. Не считая масла, износа и т. п., на сорок миль уйдет по меньшей мере шесть шиллингов, а это многовато за свидание с племянником, которого ты к тому же невзлюбил с детства.

– Нет-нет, – быстро ответил Хьюго. – Я взял у Джона двухместную.

Они помолчали. Точнее – дядя сопел, а Хьюго действительно думал, как бы помягче, получше к нему подмазаться. Вот, например: «Ты прекрасно выглядишь!»

Нет, не пойдет.

«Да у тебя просто девичий румянец!»

Ой, нет! Совершенно не то. Сейчас, сейчас... Есть!

– А ты, я смотрю, в неплохой форме.

Мистер Кармоди издал тот звук, какой издает бизон, вытаскивая лапу из трясины. Быть может, он хотел выразить приветливость, быть может – не хотел. Этого Хьюго не узнал, но был разумен и не ждал млека милости⁵ от восьмипудового создания, только что занимавшегося лечебной гимнастикой. Тут нужны терпение и сочувствие. Словом, заботливый племянник – вот его стезя.

– Да, это не шутки! – продолжал он. – Гимнастика, котлеты без жира, холодный душ... Очень тяжело. Что там, невыносимо. Истинная пытка. Ты поразительно держишься. Вот она, сила воли. Любой бы это бросил через два дня.

⁵ У. Шекспир. «Макбет», акт 4, сцена 3.

– Тут бросишь! – воскликнул мистер Кармоди. – Этот чертов доктор взял все деньги вперед.

Хьюго растерялся. Он приготовил еще два-три комплимента воле, но теперь они были ни к чему.

– Ну, в общем, ты в форме, – сказал он. – Молодец! Прямо атлет! Ка-акая фигура! – Он помолчал, зайдя в тупик, и решил говорить прямо. Что ж, испытаем судьбу... – Дядя Лестер, – начал он, – я приехал по делу.

– Да? А я думал, поболтать. Какие еще дела?

– Ты знаешь моего друга Фиша?

– Нет, не знаю.

– Ну, такой друг. Фиш.

– А что с ним?

– Хочет открыть ночной клуб.

– При чем тут я?

– Знаешь, на Бонд-стрит, в самом центре. Думает назвать «Злачное место». А, как тебе?

Лестер Кармоди откликнулся тем звуком, который издал бы другой бизон. Лицо его опять переходило от алого к лиловому.

– Сегодня я получил от него письмо, – не унимался племянник. – Если я внесу пятьсот фунтов...

– Не внесешь, – предсказал мистер Кармоди.

– Они же есть! Там, у тебя, гораздо больше.

– Именно, у меня.

– Это же пустяк! На такое верное дело... Ронни Фиш все

знает про ночные клубы. Он из них, собственно, не выходил после Кембриджа.

– Ничего не дам. Ты понимаешь, что такое опека? Ты должен вложить деньги в верное дело.

– Куда уж верней! Ночной клуб, и кого? Ронни Фиша.

– Если ты кончишь пороть чепуху, пойду приму душ.

– Вот что, я его приглашу к нам. Вы с ним поговорите.

– Не стоит. Зачем мне с ним говорить?

– Он тебе понравится. У него одна тетка – с приветом.

– По-твоему, это хорошая рекомендация?

– Да я так, к слову.

– А я запрещаю его приглашать.

– Дядя, ты послушай! Скоро викарий придет насчет концерта. Мы с Ронни могли бы сыграть сцену из «Юлия Цезаря», развлечем народ. В Кембридже всем очень нравилось.

Но и это не смягчило мистера Кармоди.

– Не буду я его приглашать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.